

Специфика формирования предпринимательства на восточной периферии России (1990-е гг.)

Любовь Андреевна Моисеева,

заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор кафедры общегуманитарных наук Дальневосточного государственного института искусств, Владивосток.

E-mail: 1977edward@mail.ru

В статье анализируются становление и развитие современного российского предпринимательства как элемента либеральной модели хозяйствования в условиях острой политической борьбы, когда всеобщее признание необходимости реформ сопровождалось не только формированием нового правового механизма, но и наличием значительных препятствий в его реализации, включая деструктивные практики разных социальных групп в постсоветском обществе. Основное внимание уделено выявлению факторов развития, особенностей, противоречий и сложностей на восточной периферии России, которых не было в других регионах страны. Среди них — отношение государства к региону как к богатейшей природной кладовой, развитие промышленности с целью обеспечения нужд Тихоокеанского флота, всех родов войск региона и государственной безопасности на восточной окраине страны, малый внутренний рынок, недостаток капиталов, распространённость психологии «временного человека», резкое нарастание территориальной дифференциации десяти дальневосточных субъектов РФ, разрыв экономических связей с более развитыми центральными регионами. В результате произошло повышение предельных (или пороговых) значений социальных рисков. В исследуемый период предприниматели нуждались в государственном информировании и координации, особенно в Республике Саха, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском и Корякском национальных округах, чьи уязвимые экосистемы были мало приспособлены к условиям перехода к рыночной экономике. Спецификой формирования предпринимательства на восточной периферии стало установление разных форм взаимодействия отечественных и зарубежных бизнесменов. Внедрение либеральной модели хозяйствования на Дальнем Востоке способствовало приходу иностранного капитала из государств АТР в сырьевые отрасли, что можно рассматривать как один из факторов деиндустриализации региона, развивавшийся в данный период.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, АТР, предпринимательство, реформы, бизнес, интеграция, периферия.

**Specifics of the Formation of Entrepreneurship
in the Eastern Periphery of Russia (1990s).**

Lyubov Moiseyeva, Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok, Russia.

E-mail: 1977edward@mail.ru.

The paper analyzes the formation and development of modern Russian entrepreneurship as an element of a liberal economic model in the conditions of acute political struggle when the public recognition of the need for reforms was accompanied not only by the formation of a new legal mechanism but also by the presence of large barriers to its implementation including destructive practices of various social groups in post-Soviet society. The main attention is paid to the identification of development factors, peculiarities, contradictions and difficulties in the eastern periphery of Russia, which were not present in other regions of the country. Among them are the attitude of the state to the region as the richest natural storehouse, the development of industry in order to meet the needs of the Pacific Fleet, all branches of the region's armed forces and state security on the eastern outskirts of the country, a small domestic market, lack of capital, the prevalence of the psychology of a "temporary man", a sharp increase in territorial differentiation of ten Far Eastern subjects of the Russian Federation, the rupture of economic ties with more developed central regions. As a result, there was an increase in the marginal (or threshold) values of social risks. During the study period, entrepreneurs needed government information and coordination, especially in the Republic of Sakha, Kamchatka, Magadan and Sakhalin regions, the Chukotka and Koryak National Districts, whose vulnerable ecosystems were poorly adapted to the conditions of transition to a market economy. The specifics of the formation of entrepreneurship in the eastern periphery was the establishment of different forms of interaction between domestic and foreign entrepreneurs. The introduction of liberal forms of economic entities in the Far East contributed to the arrival of foreign capital from the Asia-Pacific countries in the raw materials industries, which can be considered as one of the factors of deindustrialization of the region that developed during this period.

Keywords: Russia, Far East, Asia-Pacific region, entrepreneurship, reforms, business, integration, periphery.

Дальний Восток как стратегический регион России в конце XX в. по-прежнему сохранял своё значение в вопросах обороны государства. Соседствуя с ведущими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, он имеет границу протяжённостью более 23 тыс. км. Свыше 60% муниципальных образований являлись приграничными, на их территории проживало более 80% населения федерального округа [3].

Формирование предпринимательства осуществлялось на Дальнем Востоке в условиях смещения экономического и финансового «центра притяжения» мира в Азиатско-Тихоокеанский регион, где только в 21 стране — участнице АТЭС концентрировалось 57% мирового ВВП и более 40% населения

планеты. На государства АТР приходилось 25% экспорта и импорта России в дальнее зарубежье [1], поэтому на высшем правительственном уровне была разработана стратегическая задача интеграции РФ в АТР, в которой Дальний Восток рассматривался в качестве ключевого звена как наиболее вовлечённый во внешнеэкономические связи с развитыми странами регион. В процессе трансформации российского общества изменилось отношение федерального центра к Дальнему Востоку: режим «патернализма» и всестороннего социально-экономического контроля постепенно уходил в прошлое. Дальнему Востоку была предоставлена относительная самостоятельность в определении способов развития за счёт собственных организационных и материальных ресурсов при формально провозглашённом равенстве возможностей всех регионов страны. Эта ситуация ориентировала дальневосточных предпринимателей на поиск деловых партнёров в сопредельных государствах АТР в условиях отставания от них на целую технологическую эпоху.

Представленная тема охватывает историю приватизации на Дальнем Востоке, что позволяет говорить о причинах ускоренного цикла образования нового предпринимательства. В отечественной исторической науке эти годы оцениваются преимущественно как трансформационный период, однако в процессе анализа становления предпринимательства как новой модели хозяйствования потребовался поиск ответа на вопрос о модернизации социально-экономической структуры, ставшей главным направлением новой внутренней политики РФ.

Целью данной статьи является анализ государственной политики по созданию класса собственников и хода её реализации на Дальнем Востоке, роли предпринимательства в развитии дальневосточной периферии, что предполагает решение двух задач. Во-первых, необходимо исследовать становление предпринимательства в регионе, ставшее результатом либерального курса «верхов» и одновременного влияния специфики социально-экономического пространства периферийной территории. Во-вторых, важно выявить формы взаимодействия российских предпринимателей с деловым миром стран АТР, составляющие дальневосточную специфику.

В современной историографии существуют различные подходы к анализу проблематики периода кардинальных российских реформ. Так, Т. Грэм, рассматривая их сквозь призму российской модернизации, делает вывод, что недостаток политических и экономических знаний на самом высоком уровне принятия политических решений, борьба бюрократических группировок, инертность чиновников или их прямое сопротивление проводимой политике, социальный консерватизм — всё это сводило на нет проекты обновления. Решение стратегических задач в тот период в целом состояло в следующем: формирование мощного современного технологического сектора для устойчивого экономического роста; укрепление национального единства для мобилизации ресурсов, позволяющих справиться с задачами политической и экономической модернизации; проведение прагматической внешней политики, при которой Россия могла бы направить свою энергию на внутреннюю реконструкцию, развитие и обновление; реализация военной реформы, которая бы обеспечила наличие армии, способной защитить границы России и поддерживать стратегическую стабильность в отношениях с другими государствами и т.д. [5].

Уже в 1990-е гг. объектом исследования становится зарождающееся российское предпринимательство [15; 16 и др.]. Некоторые авторы будоражили общественность обсуждением острых проблем, но вопросов оставалось больше, чем ответов.

С признанием частных форм собственности функции государства менялись. Оно должно было освободиться от функции распределения ресурсов, но сохранить роль упорядочивающей силы, формирующей новые рыночно-хозяйственные и общественные институты. Прежде всего, выстраивая правовые основы развития предпринимательства, властные структуры всех уровней недооценили важность разъяснительной работы среди широких масс. Подавляющая часть общества воспринимала предпринимательскую деятельность как паразитическую, грабительскую, а кооператор, мелкий предприниматель ассоциировались в общественном сознании с нечестным, несправедливым обогащением, обманом, эксплуатацией.

Между тем в стране формировалась олигархическая модель отношений между властью и бизнесом, которая строилась на привилегированном доступе определённой группы людей к механизмам принятия важнейших государственных решений (см. табл. 1). Политический вес имели крупные бизнесмены: В. Березовский, Р. Абрамович, А. Мамут, руководители «Альфа-групп» М. Фридман и П. Авен, глава банкирского дома «Санкт-Петербург» В. Коган, генеральный директор компании «Балтика» Т. Бомоев и др. [11]. Их могущество и рейтинги неуклонно росли.

Таблица 1

Владельцы крупного бизнеса во властных структурах (в %)

Годы	Высшее руководство	Депутаты Госдумы	Правительство	Региональные органы власти
1993	2,3	12,8	0,0	2,6
2001	15,7	17,3	4,2	8,1

Источник: [17, с. 248—249].

Общественная реакция на такой «десант» бизнеса во власть в 2000 г. была несравненно слабее, чем в 1996 г., когда в ней на высоких постах появились всего два человека: В. Потанин в правительстве и Б. Березовский в Совете Безопасности.

Достаточно привести простой перечень крупных бизнесменов или высших менеджеров частных компаний, занявших к концу 2000 г. ведущие посты в исполнительной власти. На федеральном уровне это прежде всего члены правительства. В кабинет М. Касьянова входили вице-премьер И. Клебанов («ЛОМО», генеральный директор), министр промышленности, науки и технологии А. Дондуков (ОАО «ОКБ им. А.С. Яковлева», генеральный директор), министр связи и информатики Л. Рейман («Санкт-Петербург-Телеком», зам. генерального директора), министр по делам СМИ М. Лесин («Видео-интернешнл», вице-президент). При этом традиционные советские названия — «ЛОМО» и ОАО «ОКБ им. А.С. Яковлева» — не должны вводить исследователей в заблуждение, это наименования обыкновенных бизнес-структур. Главами Чукотского, Таймырского и Эвенкийского автономных округов были

избраны соответственно Р. Абрамович (совладелец «Сибнефти» и «Русского алюминия»), А. Хлопонин (генеральный директор РАО «Норильский никель») и Б. Золотарёв (директор по развитию управляющей компании «ЮКОС-РМ»). Заметим, что все трое победили на выборах как «чистые» бизнесмены или менеджеры, открыто не демонстрируя своих политических позиций или предпочтений. Губернатором Приморского края стал С. Дарькин — тоже представитель крупного бизнеса [14, с. 122].

Для политической и административной элиты в период президентства Б. Ельцина крупный бизнес был, во-первых, её собственным порождением, во-вторых, социальной опорой. Он оказался социально и ментально отделён от основных слоёв населения, что стало важным фактором сдерживания развития новых форм хозяйствования. Кроме того, политика приватизации, задуманная как эффективное средство «разрядки социальной напряжённости», привела к противоположному результату: был нанесён удар по репутации предпринимательства как способа хозяйствования.

Дальневосточников, решивших «идти в предприниматели», можно условно разделить на три группы. Первую составили деятели номенклатурного бизнеса, который возник на основе привилегированного доступа к приватизации таких групп, как бывшие партийные, комсомольские аппаратчики и также отдельные работники крайисполкомов и облисполкомов Советов. В аппараты политических руководящих органов в период СССР принимали на работу деловых, честолюбивых людей из многих отраслей народного хозяйства. Из них занялись бизнесом более молодые люди с деловой хваткой и знанием основ предпринимательства. По разным экспертным данным, эта группа составляла от 5 до 20% предпринимателей. Во вторую группу можно включить люмпенизированных лиц («парвеню»), не проявившихся в своей профессии. Здесь велика была доля молодых людей, начавших «делать деньги» в нелегальном бизнесе и открывших позднее официально зарегистрированные фирмы. Производство в сферу их деятельности не входило, их интересовали торгово-закупочные операции, посредничество, банковское и биржевое дело. От 15 до 30% представителей этой группы имели уголовное прошлое.

Третью группу составляли так называемые теневики. На Дальнем Востоке в этой группе можно выделить две подгруппы. Первая — «работяги», наладившие коммерческие связи и производившие дефицитные товары, таких было большинство. Вторая — те, кто занимался антиквариатом, драгоценными камнями, операциями с золотом. Они были связаны с уголовным миром, возглавляли организованную преступность, стремясь «отмыть» финансовые богатства и укрепить своё политическое влияние с опорой на коррумпированных чиновников из государственных структур.

С началом реформ кризис, поразивший хозяйственную структуру Дальнего Востока, перерос в катастрофу: объём промышленной продукции сократился на 60%, объём инвестиций — на 79%. Внутренний рынок страны, поглощавший 90% всей производившейся Дальним Востоком продукции, сократился до 25%. Разрыв значительной доли традиционных экономических связей региона с партнёрами в европейской части России был в высокой степени связан с огромными тарифами за перевозку грузов на восток. Если в дореформенный период средняя стоимость транспортировки тонны груза из европейской части России на Дальний Восток составляла 0,3 коп./км,

то в 1995 г. — 37,6 руб., а в 1997 г. — почти 66 руб. В итоге средняя стоимость перевозки за этот период увеличилась в 22 000 раз [12; 13].

Рост российского сырьевого экспорта обернулся резким спадом цен на вывозимую продукцию: с 1991 по 1995 г. стоимость меди уменьшилась на 21,2%, свинца — на 30,3%, никеля — на 30%, нефти — на 30,7%. То, что дальневосточные предприниматели вместо промышленного производства занялись экспортом сырья, увеличив долю топливно-энергетического сектора экономики с 11,3% в 1991 г. до 25% в 1993 г., было не просто ошибкой, а исторической ловушкой. Национальные ресурсы России тратились на укрепление и пополнение капиталов «большой семёрки» [16].

Разграблению подвергались сырьевые богатства Дальнего Востока, ранее не доступные бизнесменам из стран АТР. Этому способствовало подписание в 1992 г. президентом РФ указа, предоставившего администрациям субъектов Дальнего Востока право самостоятельно распределять экспортные квоты на заготовку деловой древесины, ценных хвойных пород, добычу и продажу свежей и мороженой рыбы, ракообразных моллюсков, медных концентратов и вывоз пшеницы, сои др. В результате в субъектах Дальнего Востока с 1991 по 1994 г. доля машин и оборудования в экспортных поставках упала до 1%. Вывозились уголь, круглый лес лучших пород, борная кислота, рыба, консервы, меха, мёд, цветные и драгоценные металлы и пр. Метод «шоковой» либерализации С. Шаталина, Е. Гайдара оставался основой экономики периферийного Дальневосточного региона.

Особую опасность для малого и среднего предпринимательства представляло такое явление, как «крышевание». В этой деструктивной практике принимали участие разные группы людей — от рэкетиров, имеющих уголовное прошлое, до представителей коммерческих охранных предприятий и милицейских «крыш», которые превращались в разновидность «силового предпринимательства».

Предприниматели, не надеясь на содействие и помощь со стороны государства, предпочли самостоятельность и самоорганизацию, что подтверждалось результатами анкетирования. Институтом социологии РАН в 2000 г. было опрошено 315 мелких и средних предпринимателей Владивостока, Новосибирска и Калмыкии. Опрашиваемые указывали, что им приходилось подкупать должностных лиц (61%), лгать в интересах дела (70%), скрывать доходы (78%). При этом на государство полагалось всего 9% респондентов. К концу XX в. почти две трети предпринимателей уже не верили, что в России можно вести честный и одновременно доходный бизнес. Фонд «Общественное мнение» задавал вопрос о том, что является обязательным условием для ведения бизнеса: 26% ответивших заявили, что первое и главное — это активность, энергия, 18% считают важными ум и способности, 15% полагали, что победить конкурентов больше шансов у человека, «не обременённого высокой ответственностью». Успешным бизнесменом, по их мнению, станет тот, кто «нагл», «беспринципен», «способен на обман» [17, с. 248—249].

На Дальнем Востоке предприниматели появились прежде всего в сырьевых отраслях. В регионе насчитывалось 725 экспортёров леса (не считая физических лиц). При таких масштабах лесного экспорта появились условия для возникновения «лесной мафии», в результате чего более половины всего объёма древесины продавали Японии, Китаю, Северной и Южной Корее

нелегально. Ущерб РФ в исследуемый период от нелегального лесопользования составлял в год свыше 1 млрд долл., в то время как ежегодный оборот в этой отрасли был 6 млрд долл. Такое оказалось возможным в условиях отсутствия контроля над каналами сбыта, причалами, пунктами отгрузки, которые создавались «теневиками» [6].

Таким образом, неолиберальная стратегия с очевидным преобладанием отрицательных последствий, известная на Западе как политика «laissez-faire», в отечественной практике получила названия «дикий», «челночный», «рыночный» капитализм. Во многих публикациях просчёты стратегии «свободного рынка» подвергались критике. Выделялась идея корпоративного капитала как основы развития промышленного предпринимательства. Переход от стадии *laissez-fair* к стадии корпоративного капитализма означал попытку внести некий организующий элемент в развитие предпринимательства. Предлагалось изменение организационных форм приватизации с помощью введения системы конкурсов и аукционов, благосостояние россиян планировалось повышать за счёт справедливого распределения «природной ренты», что создавало видимость справедливости, беспристрастия [8, с. 185—191].

К концу 1990-х гг. на Дальнем Востоке сформировалось предпринимательство как новая форма хозяйствования: 69,9% предприятий Дальнего Востока находилось в частной собственности, 13,7% оставалось в государственной, 16,4% — в муниципальной. Однако начавшиеся процессы расслоения и стратификации населения региона по новым критериям очень скоро показали, в чьих интересах осуществлялось разгосударствление: собственниками стали руководители администраций, предприятий, составлявшие около 12% всего населения региона; остальная часть дальневосточников последствия и результаты приватизации расценивала как масштабный обман [18].

Необходимо подчеркнуть, что в исследуемый период были сформированы лишь институциональные элементы системы, то есть организации и учреждения поддержки малого и среднего предпринимательства как на федеральном, так и на региональном уровнях. Начала действовать единая структура, включавшая в себя Государственный комитет РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства, федеральный и региональные фонды и центры поддержки малого предпринимательства. Однако федеральная программа «Государственная поддержка малого предпринимательства в Российской Федерации на 1996—1997 гг.» и другие специальные программы, принятые на региональном уровне, во многом не учитывали сложившуюся на периферии ситуацию.

Наибольшее число малых предприятий было создано в сфере торговли и общественного питания (около 48%). Особенно высокие темпы роста малого и среднего бизнеса в торговле наблюдались на Сахалине. В 1991—1998 гг. общее количество таких предприятий возросло в 20,4 раза, а их относительная доля — в 3,5 раза. Развитие предприятий на основе частной собственности было обусловлено спецификой рыночной конъюнктуры Дальнего Востока, склонностью коммерческих банков выдавать только краткосрочные ссуды, возможностью получать более высокую прибыль и быстрым оборотом капитала в торгово-промышленных операциях.

Доля малых предприятий в промышленности в 1996 г. составляла только 13%, а их работников — 18% от общей численности занятых на малых предприятиях, в области строительства — 12 и 14% соответственно. Если в 1995 г.

в промышленности Приморского края имелось 2120 малых предприятий, в том числе в строительстве 2129, то в 1996 г. их осталось соответственно 1789 и 1613, т.е. количество сократилось более чем на 25%. Свыше 30% малых предприятий края находились в сложном финансовом положении, а около 20% вообще бездействовали [14, с. 137].

В Магаданской области наблюдалась специфика, связанная с образованием малых и средних предприятий в золотодобыче, которые возникали на «развалинах» горнообогатительных комбинатов. Среди них были как работающие артели, так и фиктивные недропользователи — артели-призраки, которые имели лицензии, фактически не работали на заявленных объектах, однако имели золото для реализации.

На рубеже XX—XXI вв. в структуру российского малого предпринимательства входили и индивидуальные предприниматели, осуществляющие коммерческую деятельность без образования юридического лица¹. В результате установления более простого правового режима и появления возможностей для манипуляций с налоговыми платежами организационно-правовая форма ИП стала популярнее, чем общество с ограниченной ответственностью. Более 80% индивидуальных предпринимателей было сосредоточено в торговле и общественном питании, а после 1996 г. появилась тенденция роста индивидуальных предпринимателей, работавших на транспорте.

Таким образом, бурный рост числа субъектов малого предпринимательства, происходивший в первой половине 1990-х гг., затормозился с 1996—1997 гг. При общем увеличении масштабов занятости в малом бизнесе численность постоянных работников, занятых на одном малом предприятии, уменьшилась в среднем с 10 до 7,5 чел. Каждое пятое малое предприятие Дальнего Востока приостановило свою деятельность, каждое четвёртое находилось в стадии ликвидации, несмотря на то, что во всех дальневосточных субъектах РФ были разработаны и утверждены программы поддержки малого предпринимательства на 1996—1997 гг.

Очередная реформа «сверху» не давала эффективных результатов. Государство не смогло создать благоприятных условий для развития малого предпринимательства, что отразилось в некорректной разработке самой концепции и крайне низком уровне государственного управления, в ложном акценте на вопросах распределения ресурсов в ущерб первоочередным проблемам управления производством. Личностный фактор в истории формирования предпринимательства также играл большую роль, что было типичной составляющей капиталистических отношений. Это проявлялось в корыстолюбии многих дорвавшихся до власти новых бизнесменов, безжалостно растаскивающих народное достояние, коррумпированности бюрократического аппарата и небывалом разгуле преступности. Малое предпринимательство не могло противостоять (по объёму полученной собственности) нелегально приватизированному и стало уходить на второй план. Если крупный бизнес мог лоббировать принятие или непринятие тех или иных законов, то рядовой предприниматель был отлучён от процесса нормотворчества и возможности активно влиять на многие решения.

¹ В связи с принятием и введением в действие ч. 1 ГК РФ от 30.11.1994 N 51-ФЗ в российское законодательство был введён термин «индивидуальный предприниматель», закреплённый в ст. 23 ГК РФ.

В 2000 г. в стране выполнялись всего 53 федеральные целевые программы, включавшие в себя 96 подпрограмм. На Дальнем Востоке реализовывались 42 федеральные целевые программы, однако для среднего и малого предпринимательства участие в них было недоступно.

Разочаровавшись, многие дальневосточные предприниматели прекращали свою деятельность в бизнесе и, не имея возможности вернуться на прежнее место занятости, пополняли ряды безработных. Средний возраст безработного на Дальнем Востоке составлял 34,8 года. Более половины граждан этой категории (51,2%) находились в самом продуктивном возрасте — от 30 до 49 лет, наибольшая доля их наблюдалась в Чукотском автономном округе (69,6%). Доля безработных в возрасте до 24 лет в Дальневосточном регионе достигла 26,2%, а в Республике Саха (Якутия) — 37,8%. По сравнению с 1992 г., численность безработных, состоявших на учёте в службе занятости на Дальнем Востоке, в 1998 г. увеличилась в 5,7 раза, тогда как по России этот показатель вырос в 3,3 раза. Наибольший рост наблюдался в Республике Саха (в 15,9 раза), наименьший — в Еврейской автономной области (на 62,5%). В Приморском крае уровень безработицы поднялся в 1998 г. до 7,1% (с 5,65% в 1991 г.) и превосходил среднероссийский показатель в 1,4 раза [14, с. 139].

Своевременно разработанная и принятая к исполнению концепция государственной политики поддержки предпринимательства могла бы ослабить социальную напряжённость, переориентировать людей на возможность экономического самоопределения. Поколения советских людей, живших в системе, обеспечивавшей им «право на труд», потеряв работу на государственном предприятии, с трудом воспринимали новое положение в жизни.

Среди безработных было немало квалифицированных специалистов: среднее профессиональное образование имели 30%, высшее и неполное высшее — 7,5%. Наиболее высокий уровень образованности среди безработных наблюдался в Магаданской области (19% из них имели высшее и неоконченное высшее образование) [9, с. 408—420].

Если в центральных регионах России население своё недовольство продолжало выражать в форме забастовок, митингов и демонстраций, в высоком уровне поляризации в ходе голосования на избирательных участках, то из дальневосточных субъектов люди просто уезжали. Специалисты, потерявшие работу, покидали Дальний Восток, особенно сильным был отток из городов, где предприятия военно-промышленного комплекса имели градообразующий характер (Комсомольск-на-Амуре, Солнечный, Арсеньев, Спасск-Дальний, Партизанск, Большой Камень и др.). С северных дальневосточных территорий РФ не уезжали только те, кому некуда было податься, и те, у кого не было на это средств [14, с. 140].

Период 1999—2000 гг. можно охарактеризовать как рубеж в истории предпринимательства на Дальнем Востоке, когда оно стало подтверждать свою жизнеспособность и занимать конкретное место в структуре экономики. Важным показателем, по которому оценивался уровень развитости той или иной страны, являлось число малых предприятий на тысячу жителей. Этот показатель в регионе был ниже, чем в среднем по Российской Федерации. Лишь в Магаданской и Сахалинской областях он превышал общероссийский — 9,2 и 6,7 соответственно. Хуже всего мелкий бизнес был развит в Амурской, Еврейской автономных областях и в Чукотском автономном округе (см. табл. 2).

Все усилия новых собственников нивелировала транспортная составляющая, которая в стоимости продукции была очень высокой: при поставках с Дальнего Востока в центральные регионы страны она достигала 77% стоимости товара, тогда как при экспорте в государства АТР — только 25%, что заставляло дальневосточных предпринимателей искать деловых партнёров за рубежом [2].

Между тем процесс изменения социально-экономической структуры на дальневосточной периферии сталкивался с ещё одним специфическим препятствием. Во все периоды истории здесь действовали государственные установки: необходимые ресурсы (материально-технические, финансовые средства, капитальные вложения, продовольствие и т.д.) поставлялись центром, а регион был площадкой для сборки продукции на оборонных заводах, кроме того, значительная территория предоставлялась для размещения воинских частей и Тихоокеанского флота. Всё это не подлежало приватизации, резко ограничивало возможность создавать промышленную продукцию, поэтому предприниматель пошёл по пути добычи природных ресурсов и вывоза сырья в страны АТР.

За 1992—2000 гг. в России было принято более 90 нормативно-правовых актов по государственному регулированию и поддержке предпринимательства, однако не был создан механизм их исполнения. В итоге в 1999 г., как и в 1998 г., на поддержку малого предпринимательства из федерального бюджета средства не были выделены. Более того, «Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1998—1999 гг.» не была утверждена Государственной Думой, поскольку её не включили в перечень вопросов, повесток заседаний.

Складывалась ситуация, когда дальневосточные предприниматели вынуждены были искать инвесторов и партнёров по бизнесу в активно развивавшихся странах АТР. Этому способствовало и то, что российские бизнесмены получили право на экспортно-импортные операции без получения специальной регистрации, в том числе и на создание совместных предприятий (СП) с зарубежными партнёрами.

В отсутствие опыта и специальных знаний о предпринимательстве, не имея представления о традициях, классических нормах ведения бизнеса в деловом мире стран АТР, дальневосточники допускали массу ошибок и в силу того, что в социально-экономических структурах государств Азиатско-Тихоокеанского региона к концу XX в. было много специфического. Кооперация связей и снятие ограничений на движение товаров, капиталов, труда, специалистов

Таблица 2

**Количество малых предприятий
на тысячу жителей в дальневосточных
субъектах РФ в 1999 г.**

Субъекты РФ	Число единиц
Российская Федерация	5,9
Дальневосточный район	4,8
Амурская область	3,7
Еврейская автономная область	1,8
Камчатская область	5,3
Магаданская область	9,2
Приморский край	4,6
Республика Саха (Якутия)	4,4
Сахалинская область	6,7
Хабаровский край	5,2
Чукотский автономный округ	1,7

Источник: [14, с. 151].

внутри и за пределами АТР удивляли россиян. Ускоренное развитие экономики одной отдельно взятой страны этого региона порождало процесс «непрерывной структурной конверсии», реализуя идею возможности незападного варианта развития. Так, Япония сыграла главную роль в АТР с точки зрения трансферта научно-технических инноваций. Движение капитала распространялось по многим направлениям: в производстве электроники, автомобилей, офисного оборудования, в нефтехимической и текстильной промышленности, выпуске товаров массового спроса и т.д. Основными «реципиентами» стали Таиланд, Вьетнам, Китай, Индонезия, Филиппины, Малайзия и др., а «донорами» — Япония, Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Тайвань.

Географическая близость стран АТР определила развитие такой формы отношений с зарубежными бизнесменами, как создание предприятий с иностранными инвестициями (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями в субъектах РФ на Дальнем Востоке (на начало года)

Субъект РФ	Год			
	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Дальний Восток, всего	1697	2191	2650	2791
Хабаровский край	414	498	564	616
Приморский край	703	964	1219	1300
Республика Саха (Якутия)	42	56	68	68
Еврейская автономная область	64	66	74	72
Сахалинская область	262	330	373	384
Камчатская область	63	80	110	114
Амурская область	99	116	141	159
Магаданская область	50	81	101	78

Источник: [14, с. 273].

Однако на Дальнем Востоке России уже на первом этапе (в 1994—1996 гг.) в развитии совместного предпринимательства проявились негативные черты, с 1995 г. начала вырисовываться картина «замороженных» СП. Некоторые из них создавались на непродолжительное время — для проведения одной или нескольких сделок. Уменьшение числа предприятий с иностранными инвестициями было связано с тем, что российское законодательство с отменой льгот стало придерживаться принципа, приравнивающего экономический статус иностранных предпринимателей к российским.

Если в европейской части России в целом лидирующее положение по числу предприятий с иностранным капиталом занимали (в порядке убывания) США, Германия, Великобритания, то в Дальневосточном регионе преобладали СП с предпринимателями из стран АТР. В период 1993—1994 гг. на Японию приходился 51% общего объёма экспорта, на Китай и Южную Корею — по 15%. Характерно, что в Сахалинской области российско-китайские СП

составляли лишь 7,3%, в то же время на долю предприятий с японскими инвестициями приходилось более 35%. Высокий удельный вес предприятий с японскими и американскими инвестициями был характерен для Камчатской области — 22 и 25,7% соответственно. В Магаданской области около 75% СП были зарегистрированы при участии китайского капитала. Сокращение числа действующих предприятий наблюдалось вплоть до 1998 г. [3, с. 51—55; 10; 14, с. 12—13, 273].

Привлечение иностранного капитала в каждом субъекте РФ на Дальнем Востоке сопровождалось определёнными мероприятиями. В Приморском крае использовалась гибкая система налогообложения; в Хабаровском крае предлагались убедительные гарантии благоприятных условий. В Сахалинской области большой интерес у зарубежных компаний вызывали проекты по добыче углеводородов «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Сахалин-3»; в Республике Саха (Якутия) утвердили к реализации проект «Сахагаз» стоимостью 17 млрд долл. (транзмагистральный газопровод по маршруту западные и центральные районы Якутии — Алдан — Тында — Благовещенск — Хабаровск — Владивосток — Посеньян — Сеул). Китай и Южная Корея активно проект поддержали.

В Сахалинской области к 2000 г. действовало 378 предприятий с иностранным капиталом (100% его имели 53 предприятия), который составлял свыше 102 млн долл. На Камчатке было зарегистрировано 152 совместных предприятия с участием бизнесменов из Японии, Канады, Словакии, вкладывающих средства в рыбную промышленность, добычу цветных и драгоценных металлов и др. Доля Амурской области (для сравнения) в объёме иностранных инвестиций, вошедших в экономику ДВО к 2000 г., составляла менее 1%, однако были реализованы проекты российско-корейского предприятия «Корус» (производство сои), российско-английского ОАО «Покровский рудник» (добыча золота) и «Хуа-фу» (строительство, с участием китайских партнёров). Бизнесмены КНР вложили более 50% средств в уставной капитал совместного предприятия «Амурский металлист». Многие проблемы жителей г. Благовещенска решались силами предпринимателей пров. Хэйлуцзян. В алмазодобывающую и золотодобывающую отрасли Республики Саха (Якутия), алмазогранильную и топливную с 1992 по 2000 г. были вложены инвестиции в размере 94% от уставного капитала. Алмазы, бриллианты, нефть, уголь, оловянный и сурьманый концентраты, золото, серебро, пушнина и т.д. — всё отправлялось на экспорт [12; 13].

Анализ структуры импорта показал нацеленность совместных предприятий на модернизацию и новые технологии только в добывающих отраслях, что косвенно способствовало процессу деиндустриализации на восточной периферии России. На Дальний Восток завозили механическое оборудование, приборы, насосы, станки для обработки камня и металлов, автопогрузчики, транспортные средства и др. Иностранные инвесторы охотно вкладывали капиталы только в добывающие отрасли. В итоге за период 1995—2000 гг. во всех субъектах РФ на Дальнем Востоке, за исключением Магаданской и Амурской областей, значительно вырос экспорт чёрных металлов (в 2 раза), нефтепродуктов (в 3,4 раза), цветных металлов (на 70%), медного, оловянного и вольфрамового концентратов (на 20,1%) [14, с. 284].

Таким образом, поступавшие в регион средства и существовавшие инвестиционные потребности создали условия для модели его «выживания»,

а не развития. Дальний Восток России оставался на периферии мирового рынка АТР. Вместе с тем местные предприниматели в определённой степени пытались создавать условия для активизации отношений со странами АТР. За короткий для истории срок — с 1991 по 2000 г. — российский Дальний Восток в значительной мере стал открытым внешнему миру, однако это превращение во многом отражало не только позитивные сдвиги, но и внутренние проблемы. Развитие предпринимательства сдерживалось малым внутренним рынком, что не способствовало росту удельного веса внешнего товарооборота. Проблемы узости ассортимента, неустойчивости и исключительно торгового характера сотрудничества к концу исследуемого периода так и не были преодолены. Практически ничего не происходило в области обмена технологиями. Богатый природными ресурсами регион оставался к началу нового тысячелетия лишь поставщиком сырья, способствуя стремительному развитию стран АТР и пребывая на периферии, находясь далеко позади обгоняющих его азиатских государств.

Формирование частного сектора на Дальнем Востоке в 1991—2000 гг. происходило под влиянием двух основных механизмов: предпринимательство «сверху» и предпринимательство «снизу». Первое означало передачу текущей хозяйственной деятельности в частную собственность. Второе являлось следствием абсолютно новых видов экономической активности, происходивших на основе использования дальневосточниками рыночных возможностей; данный механизм рождался из легализации ранее запрещённых видов деятельности, посредством создания новых фирм на базе государственных предприятий как формы приватизации «сверху вниз». Приватизация «снизу» определила характерную особенность новых предприятий — их малый масштаб.

Развитие дальневосточного предпринимательства проходило в условиях резкого нарастания территориальной дифференциации субъектов РФ на Дальнем Востоке, ослабления производственно-экономических связей между ними. Это порождало цепь региональных, локальных кризисов, активизировавших дезинтеграционные процессы, которые усугубляли последствия разрыва внутрорегиональных экономических связей и оторванности Дальнего Востока от более стабильно развивавшихся центральных территорий. Разработка и принятие региональной экономической политики отставали от саморегулирующих процессов формирования предпринимательства.

Возможность прямого сотрудничества с деловым миром стран АТР обернулась разграблением природных богатств Дальнего Востока. Деятельность в форме совместных предприятий являлась сложным видом международной кооперации, порождавшей ряд серьёзных проблем, в числе которых возникновение предпосылок деиндустриализации на восточной периферии России. В изучаемый период сохранялась настороженность зарубежных компаний в вопросах инвестирования в проекты дальневосточных предпринимателей, что оказывало влияние на социально-психологические установки формирующегося предпринимательства. Опасения вызывали политическая нестабильность в стране, инфляция, трудности с получением валютных и рублёвых кредитов, технологическая отсталость в производстве и управлении. Несмотря на «сильный» внешний фактор, можно утверждать, что история постсоветского предпринимательства складывалась под действием системы внутренних императивов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. М.: Восток-Запад, 2011. 320 с.
2. Андриянов С. Разгосударствление Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 1. С. 20—24.
3. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Научно-исследовательский центр «Национальная безопасность». 2014. 28 сент. URL: <https://nic-pnb.ru/articles/prigranichnoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-obespecheniya-bezopasnosti-rossii-v-pogranichnom-prostranstve/?ysclid=I9p4h3ams45594146> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Бурый А.Г. Вовлечение Востока России в мировое хозяйство через экономическое сотрудничество со странами АТР // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 4. С. 51—55.
5. Грэм Т. Россия и современный мир // Pro et Contra. 2010. № 3—4. С. 112—127.
6. Дробышева И. Дальше в лес — меньше дров // Дальневосточный капитал. 2002. № 2. С. 28—29.
7. Дробышева И. Что влечёт иностранцев на Дальний Восток // Дальневосточный капитал. 2002. № 10. С. 12—16.
8. Зудин А. Неокорпоративизм в России? // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 172—198.
9. Каталог региональных информационных ресурсов по малому предпринимательству России. М.: Ресурсный центр МП, 1999. Вып. 1. 584 с.
10. Ларин В. Дальний Восток России и стран АТР: проблемы взаимодействия // Морской сборник. 1999. № 4. С. 12—15.
11. Михеева Н.Н. Государственная политика на Дальнем Востоке // Регион: экономика и социология. 2000. № 1. С. 100—113.
12. Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985—2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. 359 с.
13. Моисеева Л.А. Развитие предпринимательства на Дальнем Востоке России как инновационной системы хозяйствования (1985—2000 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2003. 455 с.
14. Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 293 с.
15. Панарин А. Парадоксы предпринимательства, парадоксы истории (о «неклассичности» типа постсоветского буржуа) // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 62—73.
16. Российское предпринимательство. История и возрождение. В 3 т. Кн. 1 / гл. ред. Ю.В. Волков. М.: Русское деловое агентство, 1997. 390 с.
17. Социальная стратификация российского общества. М.: Институт социологии РАН, Летний сад, 2003. 368 с.
18. Личн. арх. автора. Приморскстат. Справка № 18 от 15.11.2001. 34 с. Предоставлена по запросу.

REFERENCES

1. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: regional'nye problemy, mezhdunarodnye organizatsii i ekonomicheskie gruppировки. Spravochnik* [Asia-Pacific Region: Regional Problems, International Organizations and Economic Groupings. Handbook]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2011, 320 p. (In Russ.)

2. Andriyanov S. Razgosudarstvlenie Dal'nego Vostoka Rossii [Denationalization of the Far East of Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1994, no. 1, pp. 20—24. (In Russ.)
3. Bocharnikov I.V. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak faktor obespecheniya bezopasnosti Rossii v pograničnom prostranstve [Cross-Border Cooperation as a Factor of Ensuring Russia's Security in the Border Area]. *Nauchno-issledovatel'skij centr «Nacional'naya bezopasnost'»*, 2014, September 28. Available at: <https://nic-pnb.ru/articles/prigranichnoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-obespecheniya-bezopasnosti-rossii-v-pograničnom-prostranstve/?ysclid=l9p4h3ams45594146> (accessed 18.01.2022). (In Russ.)
4. Buryy A.G. Vovlechenie Vostoka Rossii v mirovoe khozyaystvo cherez ekonomicheskoe sotrudnichestvo so stranami ATR [Involvement of Russia's East in the World Economy through Economic Cooperation with the Asia-Pacific Countries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1997, no. 4, pp. 51—55. (In Russ.)
5. Grem T. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. *Pro et Contra*, 2010, no. 3—4, pp. 112—127. (In Russ.)
6. Drobysheva I. Dal'she v les — men'she drov [The Deeper into the Wood You Go, the Less Timber Seems to Grow]. *Dal'nevostochnyy kapital*, 2002, no. 2, pp. 28—29. (In Russ.)
7. Drobysheva I. Chto vlechet inostrantsev na Dal'niy Vostok [What Attracts Foreigners to the Far East]. *Dal'nevostochnyy kapital*, 2002, no. 10, pp. 12—16. (In Russ.)
8. Zudin A. Neokorporativizm v Rossii? [Neocorporatism in Russia?]. *Pro et Contra*, 2001, vol. 6, no. 4, pp. 172—198. (In Russ.)
9. *Katalog regional'nykh informatsionnykh resursov po malomu predprinimatel'stvu Rossii* [Catalog of Regional Information Resources on Small Business in Russia]. Moscow, Resursnyy tsentr MP Publ., 1999, iss. 1, 584 p. (In Russ.)
10. Larin V. Dal'niy Vostok Rossii i stran ATR: problemy vzaimodeystviya [The Far East of Russia and the Asia-Pacific Countries: Problems of Interaction]. *Morskoy sbornik*, 1999, no. 4, pp. 12—15. (In Russ.)
11. Mikheeva N.N. Gosudarstvennaya politika na Dal'nem Vostoke [State Policy in the Far East]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2000, no. 1, pp. 100—113. (In Russ.)
12. Moiseeva L.A. *Gosudarstvennaya politika razvitiya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii (1985—2000 gg.)* [State Policy for the Development of Entrepreneurship in the Russian Far East (1985—2000)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2002, 359 p. (In Russ.)
13. Moiseeva L.A. *Razvitie predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii kak innovatsionnoy sistemy hozhaystvovaniya (1985—2000gg.)* [Development of Entrepreneurship in the Russian Far East as an Innovative Management System (1985—2000)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 455 p. (In Russ.)
14. Moiseeva L.A., Vashchuk A.S. *Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX — nachale XXI v.* [The History of Entrepreneurship in the Russian Far East in the Late 20th — the Early 21st Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 293 p. (In Russ.)
15. Panarin A. Paradoksy predprinimatel'stva, paradoksy istorii (o “neklassichnosti” tipa postsovetskogo burzhua) [Paradoxes of Entrepreneurship, Paradoxes of History (on the “Non-Classical” Type of the Post-Soviet Bourgeois)]. *Voprosy ekonomiki*, 1995, no. 7, pp. 62—73. (In Russ.)
16. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo. Istoriya i vrozozhdenie* [Russian Entrepreneurship. History and Revival]. In 3 vol. Book 1. Ed.-in-chief Yu.V. Volkov. Moscow, Russkoe delovoe agentstvo Publ., 1997, 390 p. (In Russ.)
17. *Sotsial'naya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva* [Social Stratification of Russian Society]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ., Letniy sad Publ., 2003, 368 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 12.08.2022